

D. MOOR

Боржомщики на курорте

Очерк З. Рихтер

Зарисовки Д. Моор

Они стекаются сюда со всех концов Союза, привлекаемые теплом, морем, оживлением портового и курортного города. Вынырнув из-под вагона на перроне Севастопольского вокзала, они присоединяются к большой, тесно сплоченной семье таких же беспризорных бродяжек, перелетных птиц.

Жалкие фигурки в серых лохмотьях, в прорехах которых тепло сквозит загар, рыщут по Нахимовскому проспекту, на Приморском бульваре, всюду, где праздничные, курортные толпы.

Севастопольские предприимчивые оборвыши замечательно организованы. На стене будки, на борту опрокинутой лодки, служащих им штаб-квартирой, пишут такой-то (число) отряд беспризорных.

Стащил один из них арбуз с воза, продавец успел поймать с поличным. Посадил рядом с собою и везет в милицию. Товарищи «засыпавшегося» бомбардируют продавца гнилыми корками, ракушками, камнями. Торговцы, хозяйки, покупательницы, не смея вмешаться, только кричат:

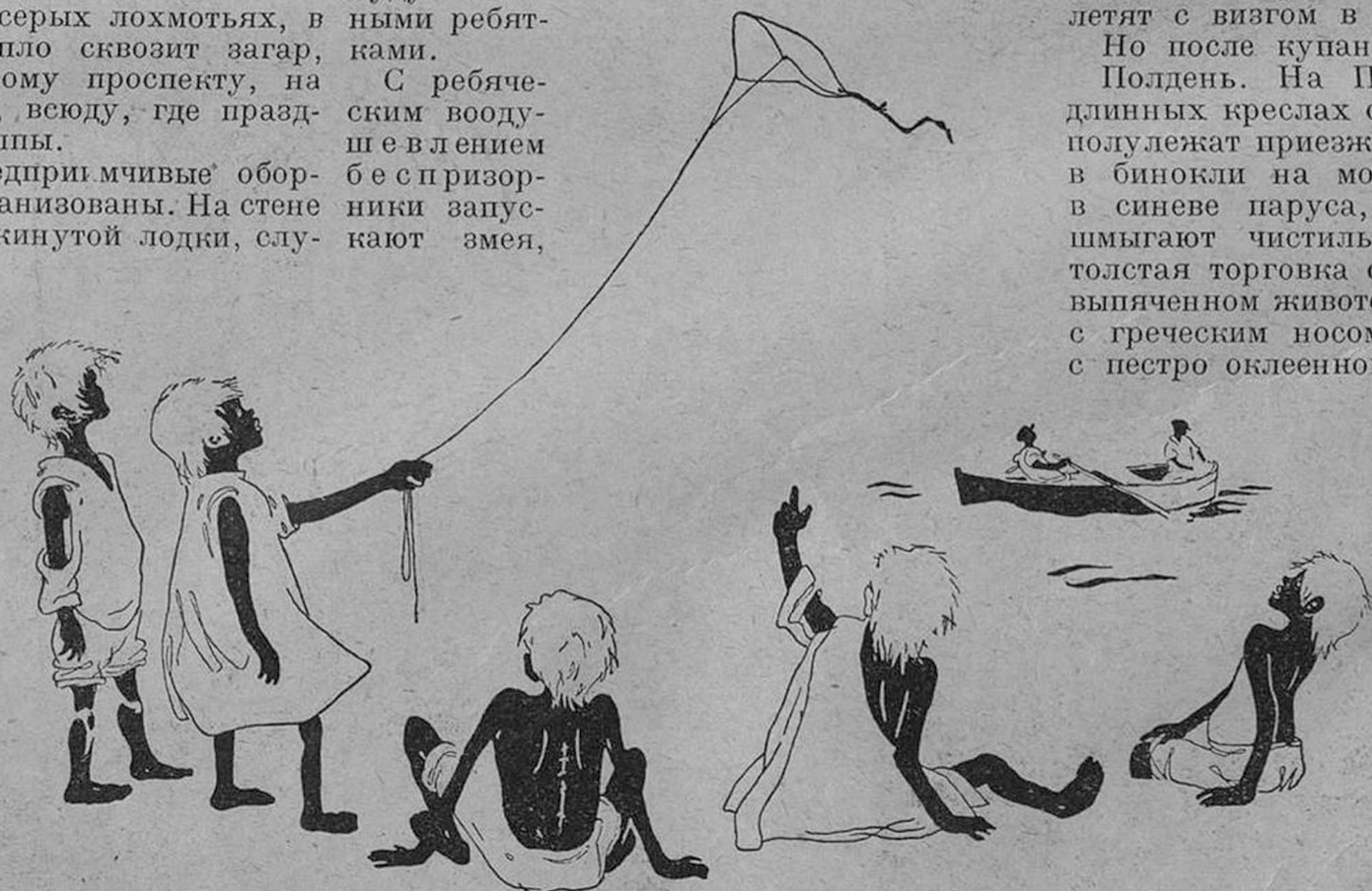
— Отпусти его, послушай, отпусти, убьют!

И тому приходится уступить.

Получит один серебряную монету, сзывает товарищей и ведет их к чебуречнику. Не станет лакомиться в одиночку.

Хилые столичные беспризорные правонарушители быстро поправляются на курорте. Смыть с них грязь и паразитов — будут славными ребятами.

С ребяческим воодушевлением беспризорники запускают змея,

или, сбросив грязные лохмотья на широких ступенях набережной Приморского бульвара, и заражая жизнерадостностью даже самых хмурых курортных неврастеников, кувыркаются и ныряют они в соленых волнах. Взбираются на скалу с готовящимся взлететь орлом (один из памятников Крымской кампании) и оттуда летят с визгом в море.

Но после купания хочется есть...

Полдень. На Приморском бульваре в длинных креслах с полотняными навесами полулежат приезжие курортники. Смотрят в бинокли на морскую даль, белеющие в синеве паруса, едят виноград. Мимо шмыгают чистильщики сапог, проходит толстая торговка с корзиной персиков на выпяченном животе, благообразный старик с греческим носом, в черном сюртуке и с пестро оклеенной коробочкой, наклонившись над креслом, конспиративно сообщает: «Есть халва ореховая». Сзади комариный писк: «Пшенка, пшенка горячая»... Беспризорных гонят с площадки, где стоят сдаваемые за плату кресла, но они иногда все-таки успевают подобрать сумочку, оброненную задремавшей гражданкой, стянуть носовой платок, неосторожно высунувшийся из кармана.

D. MOOR

D. Moor

— Дяденька, дай виноградцу...

Дяденька поворачивается к соседке:

— Совсем обнаглели эти беспризорники.

— Да-ай, у тебя много. Все равно не с'ешь...

— Брысь отсюда, а не то милиционера позову.

Беспризорник отходит, но в кудлатой головенке его не укладывается, почему это дяденьки и тетеньки зачастую бросают пакеты с недоеденным виноградом или пирожным в море, но выходят из себя, если им честно предлагаешь поделиться.

Но вот другая сценка. Компания беспризорных размещается в парусной лодке. На лицах написана живейшая радость в предвкушении удовольствия. Собирают складчину, пересчитывают медяки. Веселая компания отчаливает под шутки и смех лодочников.

— Ишь,—кричат они от'езжающему лодочнику,—сколько насажал. Смотри не потопи.

— Скорей они меня потопят,—отшучивается тот.

На берегу остается чистильщик сапог—подросток. У него нехватало капитала.

— Не едешь. Э-эх...—с искренним горестным сочувствием кричит ему самый младший и оборванный.—Садись, я плачу...

Чистильщик недолго колеблется. Соблазн слишком велик. В лодку летит ящик со щетками и мазями, а за ним ловко прыгает и сам хозяин.

Квалификация севастопольских беспризорных по карманной части на большой высоте. «Работают» они на вокзале, и, пока прибывшие пассажиры рассеянно озираются, ища агента Курупра, они производят тщательную ревизию их карманов.

Утром они на базаре, вечером у кино и на Приморском бульваре.

Базар—на берегу Хрустальной, необыкновенно прозрачной бухты. Маячат паруса ярко выкрашенных турецких лайб и рыбацких лодок. Славно пахнет морем, рыбой, сладкой мускатной шашлой, примесью специфической южной базарной гнили. В тени полотняных навесов горы желтых дынь, фиолетовых баклажанов,

легка. Проскользнул мимо полногрудой хозяйки, и в ее корзине как не бывало яблока, хлеба или курицы.

На Нахимовском проспекте, на Приморском бульваре работа сложнее и рискованнее. Одному не всегда можно справиться. Наметив солидную жертву, один из маленьких оборвышей всаживает ей в зад булавку, а другой, в тот момент, когда та хватается обеими руками за больное место, выхватывает у нее сумочку или часы.

Есть и другие приемы. Беспризорный со всех ног мчится навстречу прохожему и в последний момент делает вид, будто падает... Ударяется головой ему в живот и в тот же момент ловко выхватывает у него часы или бумажник.

Но как заразительно, от чистого сердца умеют веселиться эти маленькие воришки.

В саду на экране показывали «Дьяволят». Беспризорные, облепившие забор, разражались безудержными взрывами хохота, восклицаниями.

Был холодный, осенний вечер, накрапывал дождь. Публика поспешно расходилась с последнего сеанса, мечтая о теплой постели.

С наступлением осенней погоды для севастопольских беспризорных наступает жуткое время.

Предпринимают ли что-нибудь местные власти для борьбы с беспризорностью? В Севастополе имеется ночлежный дом «Боржомка» для беспризорных, где утром и вечером им бесплатно дают хлеб. Открываются мастерские, растет городок беспризорных. Но количество беспризорных слишком велико, да и ежедневно прибывают новые.

корзины темно-красного кизилля. Спелые гроздья изабеллы, еще не потерявшей своего матового налета, свежести. В рыбном ряду на прилавке шевелятся, сверкая на солнце, окуньки, султанки, хлопают плавником распластанная одноглазая камбала, дальше повозки с осликами, подводы с мукой, запряженные волами.

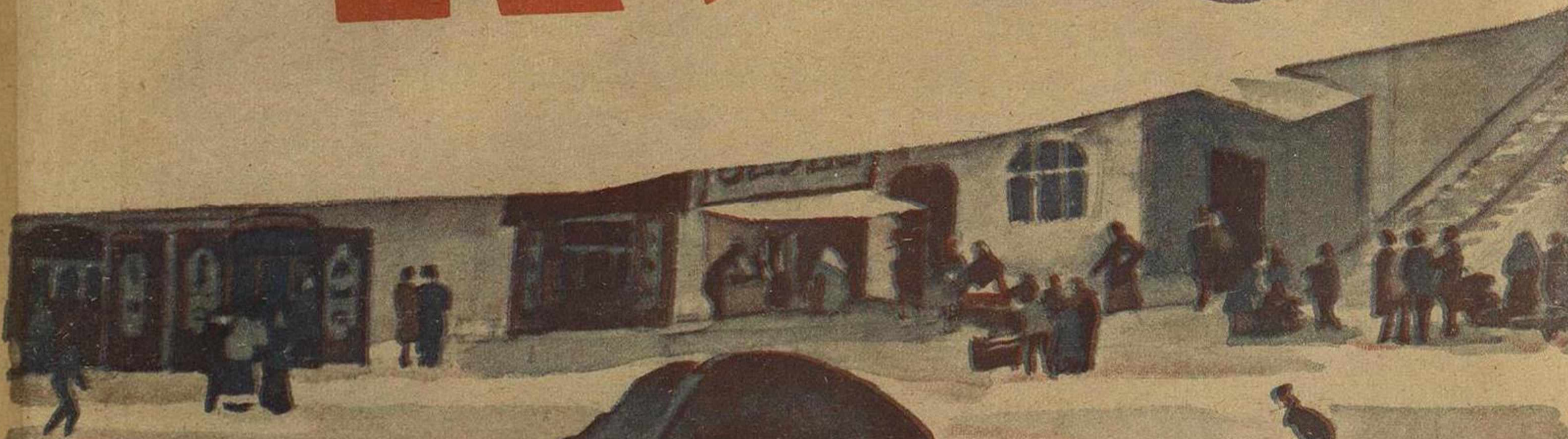
Беспризорники чувствуют себя совершенно свободно в базарной сутолоке. Работа

КРАСНАЯ ПОДПИСКА

ОТКРЫТА

1
Библиотека

С Т И Х И

Ж Н И Т В О

Мих. Герасимов

Когда цветением на нивах
Отпыхает жарко рожь
И досыта хлебнет налива,
Тогда меня ты не тревожь.

Не жди напрасно, кобчик ясный,
Не прибегу к тебе туда,
Где клен скрывал в объятых страстных
Мой тайный трепет у пруда.

Других, не думай, не ласкаю,
Тоскую, не брани меня:
На нивах трудовых пылаю
В разливах пламенного дня.

Каленый серп под корешь низко
Подрезывает сгоряча.
Ах, сладко мне в объятых близких,
Баюкая, снопы качать.

Они, как голенькие дети,
Пушисты нежные тельца...
Не жди же, все равно, не встретишь
Меня у темного крыльца.

Налиты золотою новью,
Колосья косами висят.
Я плодородною любовью
На жнивьях растворилась вся.

Как в зыбки, в теплые телеги,
Сквозь розовеющую пыль,
Кладу я с материнской негой
Спеленутые снопы.

И если будет очень горько
Тебе в разлуке и тоске,
Взгляни, мой друг, вечерней зорькой
На лунный серп в моей руке.

МГНОВЕННАЯ ВЕСНА

Л. Шагалов

Бывает так: что вдруг осенней ранью
Весной и солнцем воздух окропит,
И день-рысак над мостовою грянет
Упругим звоном кованных копыт.

И кажется: деревья покачнулись,
И ветви, вздрогнув, стали оживать,
И даже мой зачахший переулочек
На этот час весенне франтоват.

Как пояса, синеют тротуары,
Рукою солнца снята муть с ворот,
И чудится: вот-вот из-за бульваров
Зеленым заревом листва и полыхнет.

Сквозь дым, сквозь синь и позолоту
В такие дни, обнявшись с ветерком,
Легко и радостно шагаешь на работу,
Обтянут туго крепким холодком.

И все равно: иль по гудку,
Иль по иному трепетному зову,
Мне все равно: к заводскому станку
Иль за упористый рубанок слова.

Но только б знать, что ты здесь не один,
Что вместе с многими куешь и плавинь.
О, жизнь! Машиннейшая из машин!
Я не устал тебя любить и славить!

И сквозь твою густеющую осень
Всегда ловлю мгновенную весну.
И жаль мне тех, кто ждет для песни весен,
Но не успеет в сумрачную осень весенней песней
Полыхнуть.

Г Р О З А

Николай Колоколов

Прибоем ветра ветлы сбиты
У зашипевшего пруда.
Кувшинок звездами покрыта,
Качнулася сонная вода.

И вот, как шум, вскипает пена,
И пеной льется голос вод:
То кровь встревоженной вселенной
По жилам илистым течет.

Просыпанные гроздья грома,
Опавший ягодами град
Приветом исстари-знакомым
В мой слух раскованный стучат.

И молнии, пластая крылья
Над ширью леса и садов,
Земле пророчат изобилье
Неиссякаемых плодов.

